

МЛАДОЕ ПЛЕМЯ НЕЗНАКОМОЕ

Ни души в коридоре, как не бывало столетнего потока. Шаги от стен отскакивают: пол выложили плиткой, схоронили дерево, и звуки уже из совсем другой жизни. Тень стигийская скользит одиноко – последняя в пустом проходе. И два буддийских колокола у дверей музея: ждут не дождутся последних дней. Истину утюжили здесь пошагово, топтали по ней ватагами, поколения заложили ступени лестницы. Похоже-но-потоптано, прошли мы тут потоками... Портретная галерея на обеих стенах, анфилада мудрых. Брезгливо взирают отцы-основатели на расхристанных преемников: при них-то всё было чинно, разлинованно. Но мычанье за дверью было и тогда: «Орно, орнамус, орнатус». Наши – слева. Первокурсники латынь проходят. Опоздал, кругом вовсю занятия. Не встретил бы кто знакомый – донесут как пить дать, пиши объяснительную...

Ага, вот эта аудитория. Слава Богу, не разбежались, шумят у двери. Пропущу их первыми, извиняться сразу не буду... Раздеваются, как в замедленном кино, тюльку тянут – не готовы.

– Добрый день. Прошу садиться. Кто отсутствует? Шестеро?! Ничего себе, четверть группы!.. Что было задано? Селифонтов?

– Наземные ритуалы.

– Замечательно! Сходу новый жанр открываем. Так или нет, Еропкин?

– Эти, как их, полевые причты.

– Тоже броско. О чём рассуждать будем, не ведаем. Итак, сильный пол опять не в теме. Посмотрим, что скажет прекрасный. Кто готов?

А может, неправильно так, унижение для пареванов? Их двое, и так им не уютно. У Селифонтова взгляд всегда осоловелый, а Еропкин осовело крутит лохматой головой. Не научены шевелить плавниками.

61
Две руки взлетело. Слон и Моська, неразделимые, как сиамские близнецы. Ведущая в паре Латыпова, меньшая. Одета небедно, не как Гусельникова, двухметровая подружка. Сахарная головка или нет, фарфоровая. С небольшим татарским раскосом – четвертинка, наверно, ордынской крови. Под глазами опять тёмные круги. Какой же самум закрутил тебя, дурочка, по перелучкам? Здесь же родилась, в Иштане где-нибудь или в Тохтамышеве. Отвечает хорошо, а в глаза не смотрит. Стыд жив ещё, выходит.

Котёнок вспомнился: ходил туда-сюда по забегаловке. Кафешка не из самых дешёвых, одни лица кавказской национальности горгохут за столами. Она здесь в одиночестве, без подружки сидит, явно не впервой зашла. Котёнок подбежал прямо к ней и потёрся об её ноги. Один из детей гор толкнул другого в бок локтем: «Смотры – русский дэвушка-хорёк». Взглянула на меня, узнала и юркнула в туалет...

– Что, всего-то двое? Какой же тогда семинар? Календарные обряды были на прошлой

лекции. Начнём от истоков. Первый вопрос: кто такие Ярила и Кострома?

Молчание мертвее мёртвого, буддийская от-решённость. Что та тема, что другая – до фонаря нам, до разбитого.

– Тогда попробуйте охарактеризовать Перу-на и Волоса. Кто из них больше влиял на земле-дельца, а кто на скотовода?.. Та-ак, обнуление коллективное. Хотите на самостоятельное изу-чение? Что ж, пожалуйста. Так надо было идти на заочное.

Не расшевелишь, они в своей эпохе. Не по-томки они предкам своим, по барабану им прош-лое. Отчего так, от сытости? Горе подстегнёт интерес когда-нибудь? А пока – не втолкаешь...

– Если так, займёмся следующей темой. У нас отставание от графика. Магия медицинская и любовная, это вам интересней будет. Присуш-ки и отсушки, эротические заклички. Актуально в вашем возрасте. Как определить вот такой вид поэзии:

*Не будь голенаста,
А будь пузаста,
Не будь красна,
А будь вкусна.*

– Похабная, наверно?

– Шкодливая? Дразнильная?

– Это крестьянский идеал? Фи, грубый!

– Это про капусту, не про девушку. Порох на губах – ритуальный смех...

– В старой деревне на этот счёт было строго. Если девушка согрешила до замужества, ворота дёгтем мазали, ей даже косы заплетать запре-щалось. Это знак позора: опростоволосилась – пусть все видят. Посвящение было в половую жизнь, особый обряд. Практическая магия.

– Чё, на виду у всех?

Ого, взблеснули глазки.

– Нет, не на виду. Парней и девиц посвящали по-разному. Я вижу, про любовные привороты тоже вам неинтересно.

Ну, духи ушли, а гормоны-то остались. Пред-ки предками, а кривая жизни кого куда ведёт. Кривая – ди курве... Думают: линия жизни сама вывезет куда надо. Скандалы, психопатия. А де-ти – спасают они или топят? И что к старости? Картошка уродилась, дочь вроде устала от за-мужеств, внучка в школу пошла. Пройден круг, куррикулум витэ. Нет, Латыпова в преподы пой-дёт ненадолго, не сдюжить ей там. Сожрёт ба-

бья коллегия, красивым мстит она за собствен-ную серость.

Нет, видно, ничем не расшевелишь. Разве что попой, хрипом-дёргом. Тоже шаманизм, ну-левой, правда, а съел частушку в деревне. Да кто частушку пожалеет...

– Тогда пойдём от литературы, начнём с при-меров. «Поэзия заговоров и заклинаний» – это чьё? Кто-нибудь помнит? Автор известный, в школе прошлы. Никто не узнаёт? А ну-ка: «За-плачешь ты, что некого любить». Это он же. Тоже нет... Не знаете...

Не предвидят клина ни с какой стороны. А если войдёт он в голову – ни молиться, ни каять-ся не смогут. А ты, а сам-то? Нужна молитва, а не идёт ведь...

– Не выстраиваются у нас связи с литерату-рой. Тогда попробуем дразнилки, карнавальное слово. Как вы считаете, можно их спеть на эстраде?

– Бабок на эстраде кто слушать будет? Никто и не пойдёт.

– Да почему бабки? Как раз девки пели. Зна-чит, не пойдёт на эстраде? Да, нет любви к на-родной песне.

– Почему нет, песни мы любим. Кто их не любит?

– Так назовите, что любите.

– «К чёрту эту любовь». – Селифонтов.

– «Эскадрон моих мыслей шальных». – Это Еропкин.

– «О боже, какой мужчина!» – Латыпова.

– «Поцелуй меня везде, я же взрослая уже». – Гусельникова.

– «Любовь-наркоз», «Тату на твоём теле», «Ты не слышишь меня, я не слышу тебя». – По-топ, обвал, конца теперь не будет.

– Вот видите, песен-то и не знаете. Эрзац-квас, визготня одна, души-то нет. Песню нельзя смоделировать, как и любовь. А с точки зрения науки это важно. Почему? Всё начиналось с за-клинаний. Например, обращение к домовому – бытовое заклинание.

– Домовой – который рассыльный? По квар-тирам приходит?

– Нет-нет, дедушка домовый был домашний дух. Ночью ходит, побряхтывает, поскрипывает.

– Полтергейст, что ли? Так и сказали бы, а то не понять.

– Итак, заклинательную сторону поэзии, её мы слышали. «Пришёл к Дуне батюшка» – это свёрнутый обряд.

– Зачем поп до свадьбы?

– Батюшка – это отец. И матушка не попадья и не игуменья...

С таким капиталом пришли они – продукция школы. Три года тяни из болота, а потом они пойдут в тот же мир, откуда вытянули их. А у тебя самого, у всех деревенских?..

– А ведьмы, они парней правда зомбировали? Молодых?

– Могли. Ведовство – медицинское внушение. Кто верил – действовало... Это магия. Обратите внимание, как строилась закличка, – всё наоборот: *«Встану я, раб Божий, не помоляся, не умывшись, не благословясь, пойду не в ворота, а в подворотню. Стану я на закат лицом, на восток хребтом»*. Почему так? Потому что дух блуда признавался нечистым. Любовь как помешательство.

Тут автокомментарий напрашивается. В нашей-то деревне как оно было? Там-то уж всё по правде, близкой к скотской.

– У нас бабушка знала эти кантри-фолк-музик: *«На крутой бережок»* и всяко разно. Я говорю: «Он же глина, этот бережок. Как он может быть крутым-то?».

Да, слишком далёким стал берег, недоступным. А если попробовать по их фене, через сленг? Непедагогично. А, была не была.

– Тогда давайте ближе к современности. Вот что на дискотеках говорят?

Радостно подсказывают – совсем другие лица, не сонливые. Что делает актуальная магия!

– На дискотеке, там, конечно. Только нынче торчков полно, а с ними по чесноку бесполезняк, их же клинит.

– Один так ваще всем девчонкам козявил одну и ту же фишку, а сам оказался перечник.

– У моего брата кент был такой мармыга: *«Табло всем могу начистить!»*, а самого качает всю дорогу. Колбасит по полной. Потом два амбала ему хорошо по репе наступали, перестал наезжать.

– Да там, если кто лохматит бабушку, мозги точняк стрясут.

– А про жизнь-то что там говорят? Есть хорошие присловья?

– *«Переход от тёлки к тётке – и вся ваша лайф»*. – Ай да Еропкин! Отличился. Хотя, конечно, постфольклор, не сам изобрёл.

– Вот это в точку: *«Мелькнут твои младые годы, живые помертвевют чувства»*... А этого классика узнаете? Тоже никто?

– А чё тут интересного?

Ну вот и подожила Латыпова... Главное – поняли друг друга. А песен, их уже не будет... Выходят они с единственной ориентацией – половой. Университет скорее помешает жить, помочь – нет, не поможет.

Какая закличка самая верная? *«Матушка быстра река, моешь ты, полощешь круты берега, сплочи с меня все страхи-переполохи, смой с меня озёвы, сглазы и уроки»*. Сглазы – ключевое слово, все ведь сглаженные.

– Ну что же, будем считать тему пройденной. Вопросов, как всегда, нет? Тема следующего занятия: «Сказки. Классификация, сюжеты, типы-характеры»... Всего доброго, до встречи.

Не сорвалось занятие-то? Доносить не stanno, хотя случаи бывали. И Блок не достал их, нет, не достал. Уходят разочарованные: чего-то другого ждали. Не за старьём шли сюда: фольклорист чё-нибудь сбациает, зачем же ещё этот предмет.

А ничё – коснулся старого, как дома побывал. Смотри-ка, девы-близнецы выходят с улыбками посвящённых. Что-то взяли и уносят. А преподы считают: не влезает в них, не втолкаешь. Нет, не так уж и темно всё. Если смотреть не со стороны...

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Конференц-зал – место словесных парадов. Цела советская закваска: активные уже расселись по краям, центр заполняют сонливые. Былые баталии диалектиков-схоластов поутихли. Сейчас настраиваются самих себя обличать. Ступают чинно-ритуально, бросают друг другу заученные фразы. Дамское поголовье перевешивает пятикратно, но так теперь даже у химиков. С каких это пор – стены помнят. Там вон, впереди, место для портрета императора, потом – трёх вождей, потом – одного, с прищуром в даль веков. Сейчас – жизнерадостный охломон в джинсах, в обеих руках корочки. Зачётка и диплом сходу – халявный идеал.

Попастись хочешь на ниве науки – уважь ритуал, пройди долгую школу имитации, тогда своим станешь. Пофигизм – завершающий этап пути...

В курилке Никандрыч налетел сапсаном. То ли выступать, то ли нет – решить не может. Раньше сильно любил это дело, а теперь почти не высовывается. Умное лицо пролетарского кроя, бесспорно с бодуна.

– Раньше не понимал, что они с Фёдором Матвейчем никакие не друзья. Матвейч тот ещё был коммуняка, но всем улыбался либерально. Наверно, чтоб отгородиться от настоящих сталинцев, последних. На партсобраниях усомнившихся судил без пощады, а после дома напивался в дымину. Партбилет он, пожалуй, не выбросил бы, а Никандрыч отрёкся через газету. Гражданское раскаяние в стиле перманентного запоя. Неуютно ему после коммунизма, мужик непугливый, таких сильней колбасит. Про социализм, говорит, наврала, а про капитализм Маркс правду писал. И чё нам теперь: ни вперёд, ни назад. Сказано же: не склеивай лопнувший горшок – ошпаренным будешь.

– Всё оригинальничаешь? Возвращение Розанова! Завтра напишут: торжество Победоносцева. Ты чё, в Париж собрался? Там на руках несут, а здесь, смотри, вылетишь в два счёта, – оглянувшись и на полтона ниже: – Думаешь, сами придумали этот мозговой штурм? Сверху спустили, а название для дурачков. Вон их двое из гэбэ, по углам сидят, бабёнка новенькая, а мужичка этого я давно знаю. Теперь просто шьют профнепригодность – и катись. А то и на психушку. Тебя чё, к экуменистам этим потянуло?

– Да с чего вы взяли? Я вообще-то, считай, православный.

– Да тьфу, не то я – к глобалистам. Ничего неизвестно, всё ещё может быть. Думай, чё говорить, ты после меня читаешь.

Да уж, научный факт – всё в тумане, раскардаш в мозгах. Новое называет выгребной ямой, но только наедине, только за рюмкой. Привычка осталась: рюмка – прикрытые надёжное, на неё коммунист мелкие грехи списывал. И все понимали, водка даже фракции гасила в зародыше.

Входят и, входя, бросают взоры в нашу сторону. Нас четверо, их тридцать. И плечики передёргиваются: всё те же мы и те же. На соседе-философе глаза останавливаются и пробегают мимо: поклонник Лао-цзы глохнет по-чёрному.

Начинается. Жидкий переплеск ладошек, двери зачем-то сомкнулись и тут же распахнулись, и вот он – как хомячок, гонимый шваброй, вкатился коротыш в полукафтаны, с толстенной папкой. Проректор по науке, недавно – комсомольский вожак. Один листочек вынул, огляделся, крикнул для осанливости. Ближний предок его, Глаукомский, функционер райкома, а он бумагу подписывает как Глубоковский. Перевертыш-отреченец, в депутаты пошёл. Ванька-

беспанька. А как возглашал недавно: «Кафедра беспозвоночных опять победитель в соцсоревновании».

– Зональную дискуссию «Сибирский текст в зоне фронта» объявляю открытой. Новым темам, новым ветрам открыты теперь наши окна. Уравновесить региональное сознание с глобальным – задача наступающего века. И девиз его – прорыв! – В бумажку глянул, ищет домашнюю заготовку. – Исход века, дни роковые – всё потребовало прорыва, но было сильное торможение, и теперь мы его не знаем. Все мы оказались в ситуации прорыва. Методика анализа переходных ситуаций – мозговой штурм. Естественные факультеты уже опробовали новый метод. Здесь нужны и интуиция, и матанализ. Плюрализм и полилог – это пропуск в новое тысячелетие! Успехов в перспективном, обещающем вашем деле!

Покивал направо-налево и юркнул за дверь. Все смотрят куда-то в себя и мимо всех. Только Купишина вертит париком-подсолнухом – считает единомышленников. Выкатится, разлиняет жизнь на тетрадные клеточки. А на вопрос, зачем они, клетки, передёрнется: не доросли – не лезьте, не ваш уровень. За ней там, по программе, – Лыкомская, педагог-пиарщица, волшебными пассажами все конфликты превращает в игру.

Интересно, кто-то знает, куда прорываемся? И откуда – пока тоже не ясно. Из эпохи имитаторов – из неё не вдруг выдерешься. Нет, не вдруг: против общего духа – значит, сам за себя, а не за науку... Реальным делом займётся – съедят и подставят. Не сменить бы нам оборзение на озверение. Овепрение, озмеение... Опиши-ка их попробуй. Тут и структурный заход сробееет.

Второе благословение – деканское. Объёмное тело в показном спокойствии целых четыре минуты движется к трибуне с первого ряда. Зато речь её – хоть выбивай на граните. Наука для неё – что мышь для филина, который доволен и малой добычей. Деньги, какие-никакие, власть, хоть чуточная.

– Напоминаю, коллеги, наш предыдущий диспут назывался: «Шагаем в ногу с веком», но главную тему мы обошли. Наконец-то займёмся своей идентичностью, время пришло. Чем мы, старейший вуз Сибири, чем встретим двадцать первый век? Мы взяли за дешифровку языка демократии. Накоплен богатый материал по идиостилю бытового общения, и пора вынести на свет накипевшие внутренние проблемы. Для

этого мы пригласили специалиста в социальной психологии.

Рядом он, встал, крутанул голову на неполный круг. Так он социолог, а говорил – философ. На исходе застоя турнули его как подписанта чего-то, а теперь, видно, приняли обратно. Как его? Бескопытный.

Кивнул как знакомому:

– Стивен Львович.

– Степан то есть?

– Не совсем, но этимон близкий: Степень.

– Классное имя! Зачем такое прятать?

– Жизнь с кукишем в кармане. За границей меня знают по публикациям: Стивен Бескопытный.

Ага, сквозь время мчались мы и с кукишем в кармане. Теперь – приспело и вот-вот прорвет. Чьи-то слова.

Первая докладчица: *«Итоги и перспективы...»*. Старенькая, левую ногу волочит, пройденной дорогой гордится, но глядит на учеников своих с укоризной. Лекции неплохо читала, хоть предмет у неё скучноватый. Темноват конец жизни: с дочерью, говорят, собачатся, внук – наркоша.

– Я вижу здесь нашу сибирскую школу, брюшининскую. Здесь собрались три её поколения. Уже и за пределами Сибири известно село Брюшинино: на его материале мы написали восемнадцать докторских диссертаций и шестьдесят четыре кандидатские.

Молодой визгливый выкрик – из литературного закутка:

– Ваш мозговой штурм – в количестве?

– А я как раз об этом и собираюсь говорить. О будущем дорогой для нас науки. Как защитить язык? Эпоха нагрянула громкая, язык заболел. Молодое поколение как будто прилетело на воздушном шаре и веселится на похоронах родного языка. Думают, что есть народ без языка.

Из дальнего угла – голос надтреснутый:

– А где вы народ встречали? Какой народ, такой язык – мухи по размеру котлет.

– Давайте обсудим без подножек. Кто, кроме нас, подумает о судьбах языка? Народ становится безъязыким. Куда ж тогда занесли нас повороты?

Миг безмолвия, и опять шепчутся о своём, женском. Подкинула бабушка страшилку, а никто ухом не повёл.

А нет, ответ уже готов: вон под руки ведут, почти несут на руках, на преданных! Посадили на первый ряд, склонились в трепете, ждут ора-

кульского напутствия. Она даст отпор каждому звуку заклятой подруги, уже полвека их боданью. Лицо багровеет от вдохновенья, кулаки возле щёк ходят друг против друга – клин на клин. И сникла диалектологиня, уходит, горбясь и спотыкаясь. Овации с обеих сторон. Лингвисты: «Вдруг в последний раз она, и мы ещё увидали». Литераторы: «Наша всегда возьмёт, и сейчас будет на улице праздник».

И вот он – горловой клёкот с первого ряда:

– Что мы здесь услышали? Это называется работники вуза?! На тенях прошлого хотят въехать в новую эпоху. Привыкли шаманить на доске почёта, думали: так всегда будет. Кроме местных мнимостей, нет у вас ничего в запасе. И с таким вот капиталом – в двадцать первый век?!

Эта может сбить праздник с копыльев. Масса в ступоре – кто не сробеет перед авторитетом? Переглядываются, плечами пожимают: подожди, пока думают вожди.

Вторая докладчица, по обличью – из нарымского урмана. Полголовы из-за трибуны:

– Меня поставили одиннадцатой, но я хочу поддержать Таисью Осиповну. Я согласна с ней, и материал мой соответствует. На наш взгляд, ускоряться некуда. Сколько можно пытаться землю, она ведь живая, потом станет неродящей. Великий классик спрашивал: «В чём ваша вера?» Когда роете, валите, взрываете – в чём? Чтобы зачерпнуть и бежать дальше. Мой сын нашёл хорошие стихи и перевёл на дедовский – самоедский: *«Не давайте землю докалечить»*. Он сам выучил селькупский и переводит Тютчева и Блока.

– А кому это надо?

– И нам, и вам, чтобы все вздрогнули. Как я понимаю фронтир? Не сдвиг границы с дикостью, а восстановление. Древнее наследие, оно на каждом шагу, а его скоро зароят. Есть тангутско-енисейские пересечения в родных моих Чунышах.

– Вот это по теме! Это он, мозговой штурм!

– Объединение наше требует соблюдать права коренных. Это научно и будет справедливо. Привыкли закачивать озёра вместе с рыбой в скважины, а как вернётся рыба? Кому-то достанется жить на такой земле. История всё равно вернётся домой, в природу, и хватит с ней сражаться.

Лирический смешок-шелест прокатился и увял, снова тишина. Миг общего отмежевания: Нарым – это про них, а не про нас. Фронтир американцы изобрели, а эти, что они в нём поймут?

Обрамкин к трибуне рванул. Мелко, но быстро перебирает короткими ножками. А в программе нет его пока, на закрытие приберегали. Не сдержал себя, на то мозговой центр – и сразу шквал оваций. Ответ литературного фронта языковому, был благословляющий кивок с первого ряда.

– Вопрос всем на засыпку: кто здесь готов к будущему? Тольтеки с сапотеками путь в науку указывают. Для них, для самоедов, переходное время – не вперёд, а назад. Осевое время надвинулось, а вы ничего не имеете, кроме Тегульдетских хроник. Мы вошли в переломный момент истории, а видим самый наглядный отстой. Я каждый раз вздыхаю, приезжая из-за границы. Задача ясна: сделать наш вестник хоть отдалённо похожим на зарубежные записки.

Жаркое рукоплескание – угодил вкусам. Зря, пожалуй, диспут этот затеяли: кое-кто подскакивает уже на грани срыва. Сейчас бы тут суровый мужской голос...

Туда надо, за трибуну! Речь под заголовком «Не всё теперь наше». Наша тема – чалдонская, она же коренная сибирская идея. Но в чём она, чалдонская идентичность? Мы её профукали, не сформулировавши. А это наше всё. Тут вопрос из глубины тайги, от согры и распадков. Что чалдону отстаивать? Самого себя. А он раньше на халяву не надеялся и поле не отдавал. Никому наше наследие не нужно, и мы на себя чужими глазами смотреть стали. Полинял чалдон, в себе разуверился. А прежде не сомневались в его надёжности. Почему полинял? Инстинкты за текстами не успевают, да и тексты чужие. Ничего чалдонского не сберегли и стоим на заброшенном поле. Отбросили все сказанья, а далеко ли належке уйдём – думать нет охоты.

Но бесполезно же, не проймёшь, хоть бей пестом по темени. Скажут, наклонясь друг к другу: «Пф, бревно бревном этот фольклорист, а туда же». Без нужных терминов – и высовываться не смей: тут парадигма, не взломаешь...

Ага, Никандрыч взбычился – всё-таки надумал, отпор дать хочет! Уже за трибуной, выгнув спину что твой барс, гладит грудь с былой силой:

– Я спрашиваю, кто пришёл, и говорю себе: поколение предателей. Всё сдали и торжествуют, как победители. Вы только посмотрите – колыбель революции превратили в бандитский Петербург. Соревнование одно теперь у нас: чьи помои гуще. Раньше полагалось восхваление на собраниях, теперь – хула. В аудиторию заходишь: сидят парашютистки заокеанские, гудят,

как осиный рой, не слушают. Они врага во мне видят: я жил в ту эпоху. Вот теперь скажите, кому мы здесь пестуем. По-моему, пятую колонну. Коллективизм – вот что надо восстанавливать, а идеи всегда найдутся. Кишки уже осели от предчувствий, от самых нехороших. Проиграли мы себя, без войны проиграли.

– По-вашему, война нужна была?

– А чем не война – убыль по миллиону в год! Когда лошадь выйдет из пустыни, не давайте воды вволю – сдохнет же. А ей что: не ведрами, давай цистерну. Мужика истолкли в ступе, и покажи теперь свой авторитет детям. Чем это заслужили? Нас потрошат и велят каяться.

Вот молодец, я же так примерно и хотел. Только он в той эпохе был дома, а я нет. Моё-то где время?..

Ага, разбудил, зашевелились:

– Предлагаете железный занавес обратно вывесить?

– Вам каяться надо, а вы обвиняете. В парткоме сидели, а вину на всех валите.

Ищет стакан с водой, а нет его, и рука пляшет. – Давайте думать о главном: что за поколение растёт. Восстановление генофонда, большего пока не потянем. Давайте вместе, женщины!

– Бросьте смешить, какой вам генофонд?! – пожилая, головой мотает вслед словам. Кто такая? Уже на пенсии, а на диспуты всё ещё ходит. – Где мужики-то для поколения? Надо сперва в себя прийти. Может, пить меньше будет.

– И вообще, кто теперь чему идентичен? Вот вы – чему без партбилета?

Кулаком саданул по трибуне, потрянул её – достала молодая, ширококоротая:

– А вы почему рожать перестали? Что, женщине уже любовь не по чину? О чём тогда спорить?

Зал проглотил язык, прищемил Никандрыч хвосты кошачьи. До полночи будут сплетничать по телефонам.

Опять замешательство. А декан, истукан недремлющий, разрядку наводит:

– Объявляю следующий доклад: «Гендерный подход – фундамент новой филологии». Докцент Нетряхина.

Все головы приподнялись: уж эта отчебучит! Откуда пифическая одержимость в теле повышенной упитанности?

– Кирилл Никандрович затронул базовый вопрос, у меня аж селезёнка ёкнула. А не сменить ли мне пол? Теперь это доступно. Гений Фрейда

предсказал прекращение человеческого рода из-за излишка культурности. Напишешь правильно введение, повторишь шаблонные места – вот и научная работа. Все, поголовно все – имитаторы. Будем реалистами – подсчитаем будущее.

Вот он, прорыв: наука переходит в пророчество! Она увидела новую эру, она первой вошла в неё. Оттого всегда с гордо поднятой головой – полёт над серостью, вечное окрыление. Любимые её стихи – про степную Астарту. Сама она мчится с ней рядом на степном аргамаке, привозит из похода скальпы слабых мужичков и складывает их у порога. А дома, в семье – собачий ящик. К парням на экзамене беспощадна.

Кто это смачно крякнул? Подвскочил философ, как осой ужаленный. Ишь ты, вроде расслабленный, а юрким оказался, миг – и за трибуной. Не разгорячился бы, не загнул бы. Всем намекает, что прошёл огонь, воду и медные трубы, хотя за колючкой не бывал.

– Что я вижу – безоговорочная победа феминизма! Расчердачьте подсознание – в сухом осадке дамские бирюльки, где главное под вуалью. Почему нет женщин-философов? Женщины закрывается, а мы, философы, ищем наготы истины. Вот вам диагноз, за ним мой прогноз. Историю настоящую, её вы не знаете, вы её боитесь. Детей же на гуманитарные факультеты не пускаете. По своей супруге сужу. Трупом на порог лягу, мол, но не пушу на исторический. И асиновы кол ей, такой истории! Много наш вузовский город дал правозащитников в эпоху застоя? Одна огурцовщина, всё тот же шовинизм.

– А если народ теряет свой язык, кто ему поможет? – это Таисья Осиповна. Она что, согласна с ним?

– Народ, не знающий уважения, его сомнут, а он и не заметит. Пророчили: вот придёт эпоха словесного поноса. Мигом она промелькнула, пришла эпоха запоров. А что страшней запора?! Бессильная злоба и отчаянье. Думали: пронесёт – и рванётся мысль. Где там, обратно по тюрьме завздыхали. Вот явится хан – тогда наш факультет начнёт рожать сплошь мальчиков, а они забьют в барабаны.

– Какие ещё барабаны?

– Не вам со мной спорить, я с такими зубрами общался в предчувствии зоны.

Он же небось мемуары пишет: все прошли перед ним – и трясуны-шестидесятники, и адвентисты восьмого дня. А он, активатор русской линьки, всё предвидел...

Взрык, рёв пополам с визгом:

– Хамство какое! Кто привёл этого Хлестакова?

– Ну вот, что я и предполагал. Зря я думал за вас. Больше не приду.

Придёт как миленький, жить не может без подиума.

Подмигнул философ и на дверь кивает:

– Процесс пошёл. Удерём? Тут уже всё ясно.

А ведь и правда – дальше бабский гвалт разгорится ражим пламенем. Что это за доклады?

Возглас из языкового стана – в огород литераторов:

– Где ваши идейные инновации? Дебилизация студентов, а ещё педагогами себя называют.

– Кто бы голос подымал, а не вы, Маргарита Фёдоровна! С вашими методичками – примитив на примитиве.

– Это вы со своей троглодитской парадигмой, вы... – задыхается.

Да, началось, да, прорвало.

– В деревне вам место со своими диалектными накоплениями! Нашли, о чём вздыхать в такое время.

Это прямая грубость, и диалектизмы не виноваты. На лице философа неподдельная гордость: запустил лавину.

– Ну всё, пошло по колее. Дальнейшее предсказуемо. Пойдём.

– Куда?

– Да хоть в пивную. О, русский запой, ты уж и за бугром! Пошли... – В дверях, оглянувшись, вполголоса: – Жучкина конура на сорок глоток! Здесь бесполое осы, вот-вот трутней своих зажалят. Трутни тут самые вялые.

Зашумел большой идейный рынок, до вечера хватит. И то сказать, проста была жизнь цитатная, и вот нет годных цитат, все расхватаны. А реальности – не надо этой и той не надо. Пойти хоть пива глотнуть, глядишь, и припожалует веритас.

Стемпень в коридоре уже в бок толкает как давнего приятеля:

– Почему в любовной лирике бабы не шарят? Объект не может быть одновременно и субъектом...

– Ну кампанья, ну Достоевщина! Истерички сознание выправляют методичками.

– Зато говори теперь, сколько горло сдюжит.

– А результат? Нуль. Тупик это, никакой не промежуток. А чего ждать от стада, если оно семьдесят лет славило своё истребление? А пи-

сатели ваши мечтают обратно вернуться. Тогда уж идите в пещеры.

– В пещерах – там людоедство. И почему одни мы туда? А остальные?

– Пещерный период – строгий отбор. Троглодиты слабых съедали, а теперь – мыслящих. У вас же лучшие обречены, у кого мысль в глазах. Завздыхали по лагерям, по собачьему лаю! Приливы массового мазохизма, вот-вот скопцы выйдут из катакомб.

Стой-ка, стой – не демон ли опять? Не совсем ведь человек: бес копытный. Ишь как дёргает его, как колдобит. Может, перекреститься?

– Потрясно, но я это уже слышал. Мы – наследные людоеды?

– Так я и спрашиваю, где ваша литература? Пожрали гордость нации. *«Скоморохи ваши злы, а в вождях у вас козлы»* – это здешний поэт сказал, приятель мой.

– У вашего поэта от души, видать, культа осталась, а у нас – Бог миловал.

– Не смешно. Что, кроме навоза, в вашем наследии? Гнойник смердит похуже свиного гриппа.

О-о, одержим бесом. Как оно правильно-то?.. Избави, Господи, от врагов видимых же и невидимых. Отойди, плюнь и не оборачивайся.

– Даже та-ак вот?! Тогда счастливо оставаться. Видал я разных, но такое...

– Ну и топчитесь от трущобы до зоны, одна вам дорога.

Зашагал прочь, как на ходулях. Ветер в зад бесу! А он копыто прячет. Это хорошо, что не вышло с пивком. Напился бы – и закивал чалдонской башкой направо и налево, туда и обратно. Блажной муж не пойдёт за нечестивцем. Чёрт ведь знает, откуда эта тёмная душа. Вдруг подселенец? Вот вам идентичность тогда.